

Ж. А. ЗУБОВА
(Орел)

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ КАК СРЕДСТВО НАИМЕНОВАНИЯ РАСТЕНИЙ В ОРЛОВСКИХ ГОВОРАХ

В народных говорах для наименования растений очень активно используются не только лексемы, но и фразеологические единицы (ФЕ)¹. При этом последние представляют особый интерес для исследователя, поскольку значительное число ФЕ в силу специфики своего значения и номинирует ту или иную реалию, и содержит характеризующую эту реалию информацию и/или отношение говорящего к ней.

Из картотеки словаря орловских говоров (КСОГ) и уже изданных выпусков «Словаря орловских говоров» сплошной выборкой были извлечены и расклассифицированы свыше двухсот фразеологических единиц, используемых диалектоносителями как фитонимы.

Все ФЕ распределяются по трем тематическим группам: «наименования травянистых растений», «наименования деревьев и кустарников», «наименования комнатных растений».

Первое, что обращает на себя внимание, — использование абсолютного большинства ФЕ для обозначения травянистых растений. Именно эта группа станет предметом подробного анализа ниже.

Случаи использования единиц для номинации деревьев или кустарников единичны: *колдовское дерево* ‘осина’ (*Калдавскова дери́ва усигда калдуны ба-ялись*² (Новосильский р-н)), *волчиные полусапожки* и *волчья ягода* ‘волчегодник’ (*У нас валчиных пулусапожок мно́га* (Залегощенский р-н); *Волчью ягаду е́сть*

нильзя (Дмитровский р-н)), *козья ива* ‘дерево с пахучими серёжками, которые распускаются ранней весной, бредина’ (*Тут-та, иде козья ива, ана* [девочка] *и харанилась* (Болховский р-н)), *медвежья ягода* ‘1. Стелющийся многолетний кустарник — толокнянка’ (*Эта трава на вкус гарькавата, вяжу́ща — мидвежья ягада* (Болховский р-н)), ‘2. Полукустарниковое растение семейства розоцветных — малина’ (*Да кругом растёт мидвежья ягада* (Ливенский, Кромской р-ны)), *волчы ногти* ‘боярышник’ (*В саду растёт куст волчьих нагтей* (Мценский р-н)), *волчы глазки* ‘жостер, кустарник с мелкими листьями и черными плодами’ (*Растуть волчы гласки у ляхах, мы их мно́га рас видали* (Новосильский р-н)), *красная черёма* ‘кустарниковое растение’ (*У нас и ирга е́сть, и баырышник, и чирёма красная* (Новодеревеньковский р-н)), *собачьи ягоды* ‘крушина’ (*Сабачьи ягады — эта у ей плады, сочныи, блистящи, чорнава цвета* (Колпнянский р-н)). В этой группе единиц отметим активное использование отзоонимных прилагательных — *волчий, собачий, медвежий* в качестве компонентов ФЕ и зооморфную мотивацию при фразеологизации.

Интересно использование ФЕ *божье дерево*, которая в разных районах Орловской области означает разные растения: шиповник (*У мене у палисадники божье дери́ва растёт* (Орловский р-н)), вербу (*Божью дери́ва усигда у палисадники срыва́ли* (Новосильский р-н)), полынь (*Веник из божьива дери́ва чиста митёт* (Урицкий р-н)). Нетрудно заметить, что степень фразеологической слитности компонентов различна.

В значении ‘верба’ мы видим устойчивое сочетание³: компонент *дерево* сохраняет свою основную сему («многолетнее, крупное или мелкое растение с твердым стволом и ветвями, образующими игловидную или листоносную крону» [БАС 3, 712]), а фразеологизация сочетания связана с церковным праздником, отмечаемым в последнее

¹ Мы поддерживаем широкий подход к пониманию объекта фразеологии. Термин *фразеологическая единица* в настоящей статье соотносится с единицами разной степени семантической слитности и структурно-синтаксической организации, такими как идиома (фразеологизм), устойчивое сочетание (составное наименование), поговорка и т. д.

² Иллюстративный материал приводится в упрощенной транскрипции с указанием района фиксации.

³ Для фразеологических единиц, один из компонентов которых не претерпел переосмысления или десемантизации, в тексте статьи используется термин «устойчивое сочетание» с целью разграничения таких ФЕ от фразеологизмов или идиом (т. е. ФЕ в широком смысле и ФЕ в узком смысле).

воскресенье Великого поста (Вход Господень в Иерусалим или Вербное воскресенье), символом которого на Руси с давних пор является верба [Москва православная 2007, 91—97].

Значение 'шиповник' формируется как результат переосмысления всего сочетания, где компоненты не вносят свои семы в целостное значение фразеологизма. Цветы шиповника еще в языческие времена европейская мифология связывает с кровью богов. Позже, после христианизации, пять лепестков цветка стали ассоциироваться с ранами Христа при распятии. Видимо, эти представления проникли на Русь вместе с распространением христианства, что и позволило закрепиться фразеологизму.

Что касается значения 'полынь', оно закрепилось за единицей как следствие давней традиции класть рядом с иконами, божницей травы с выраженным ароматом или же сухоцветы, такие как чабрец, таволга, душица, полынь, бессмертник. По сравнению с другими полынь действительно выглядит более крупным, мощным растением. Вот почему для бессмертника песчаного в Кромском, Дмитровском и Свердловском районах и для таволги в Глазуновском районе используется устойчивое сочетание *божья трава/травка* (*Нарви божьей травы ды у углушык заткни. Божью травку кладём у иконы. Божью травку завариваю ат печини. Целый дух — божья травка усё растёт*), а для полыни — *божье дерево*.

Также немногочисленна группа ФЕ, называющих комнатные растения. Это естественно: в орловских селах не очень охотно выращивают цветы дома, в основном это самые неприхотливые из них. Климатические условия обусловили традиционный тип крестьянской избы с небольшими окнами, где в большинстве случаев можно встретить «полезные» или не требующие постоянного и сложного ухода растения, такие как алоэ, пеларгония, фикусы. В основе номинации комнатных растений фразеологическими единицами лежат такие признаки, как внешний вид растения (*жирный лист* 'алоэ'), *мужское сердце* 'бегония', *собачий язык* и *щучий хвост* 'фикус'), тип формирования растения (*оружная семейка* 'аспидистра'), антропоморфный перенос (*ванька мок-*

рый и *ванька-встанька* 'бальзамин'). Во фразеологизме *бабы сплетни* 'традесканция' привлекает внимание образ: вьющееся растение, с изломанными и перепутанными веточками, у которых часто невозможно найти начало, ассоциируется со сплетнями, которые также переплетаются и источник которых порой также трудно определить.

В целом фразеологические единицы, именующие деревья и комнатные растения, составляют около десяти процентов от общего числа ФЕ — фитонимов. Основная же масса единиц используется диалектоносителями для обозначения травянистых растений. Перейдем к их рассмотрению.

При анализе будем учитывать признаки, положенные в основу фразеологизации и ставшие для нее мотивационной базой. Мы выделили пять групп единиц, разных по объему, — от пяти до пятидесяти семи ФЕ. В основе предлагаемой классификации — языковая мотивировка (прямая или косвенная), ставшая основой для формирования фразеологического значения. Внутри наиболее объемных групп мы выделили подгруппы по тому или иному частному признаку. Кроме того, в ряде случаев мы посчитали необходимым указать на структурные и морфологические особенности единиц, поскольку они оказывают существенное влияние на формирование семантики.

Небольшую группу составляют ФЕ, имеющие мотивационный признак «место произрастания». В четырех из них закреплен компонент *водяной*: *водяной бадан* 'гравилат речной' (*Вадяной бадан дли вады цвятёт* (Верховский р-н)), *водяной лопух* 'мать-и-мачеха' (*Вадяной лапух такое интереснае растения, листьями пахожа на лапух, а цвитёт жолтыми цвитами* (Дмитровский р-н)), *водяной перец* 'горец перечный' (*Воду любить вадяной перци* (Болховский р-н)), *трилистник водяной* 'вахта трёхлистная' (*А штобы лучшы кушала, нужна напитца атвару из трилистника вадинова* (Кромской р-н)). Все названные растения влаголюбивы, на что часто указывают информанты. Заметим, что для диалектоносителей характерно объяснять «не своему», «чужому» причину выбора той или иной фразеологической единицы. Показателен в этом смысле контекст

для ФЕ *болотный василёк* ‘мыльник болотный’: *Растут ани на балоти, ат таво и балотными васильками завут, а васильками их празвали, патаму што цвиточик у них фиалтава-розовый и наминаит васильки* (Кромской р-н).

Около 30 фразеологических единиц в основе номинации имеют мотивационный признак «воздействие, которое то или иное растение оказывает на поведение или состояние человека или животного». Внутри группы можно выделить две подгруппы.

Первая представлена ФЕ, частным значением которых является «воздействие на физическое состояние или поведение человека». Несколько единиц содержат в компоненте-адективе корень *пьян-*: *пьяные огурцы* ‘дурман обыкновенный’ (*Эта вот пьяныи агурыцы* (Ливенский р-н)), *пьяная вишня и плевел опьяняющий* ‘белладонна’ (*Тама, иде ручей, растётъ пьяная вишня* (Ливенский р-н)); *А ишио сонную одурь мой дет называл плевил апьяняющий* (Болховский р-н)). В последнем контексте фиксируется еще одно название белладонны — *сонная одурь*, которое также встречается и в контексте *Ат сонной одури и каровы и козы дуреют* (Болховский р-н)). Свойства белладонны отражены и во фразеологизме *бешеная ягода*: *Ат бешынай ягады, если иё съестъ, можна сайти с ума* (Орловский р-н); *Ана ядавитаая, её раньшы у глаза капали, так глас пряма бешынай станавился* (Кромской р-н). По сравнению с дурманом и беладонной воздействие багульника болотного менее опасно, что отражено в ФЕ *болелая голова* (*Балелая галава с сильным запахам, галава балить, зато йиво мы ни любим* (Кромской р-н)). Обратим внимание на то, что адективный компонент аккумулирует в себе основную мотивационную сему.

Вторая подгруппа объединяет единицы с частным значением «лечебное воздействие на человека». Почти все устойчивые сочетания этой подгруппы содержат субстантив *травя/травка/травочка*, который (как и во всех единицах из других групп, содержащих этот компонент), реализует свою ядерную сему в самом обобщенном виде. В качестве второго компонента в ряде случаев используется адектив, образованный от соматизма: *глоточная трава*

‘едкий мелколепестник’, *головная трава* ‘чабер’, *грудная трава* ‘шелковой’, *маточная трава* ‘ромашка аптечная’, *сердечная трава* ‘пустырник’. Адективный компонент может быть представлен прилагательным, образованным от названия болезни, на лечение которой направлено действие растения: *грыж-ная трава* ‘лапчатка серебристая’, *золотушная трава* ‘череда трехраздельная’, *почечуйная трава* ‘горец почечуйный’, *чирьевая трава* ‘подорожник’. Кроме того, адектив может указывать на общее лечебное воздействие (*заживная трава/травочка* ‘чистотел’, *затяжная трава* ‘розовый василек’) или гендерное предназначение (*женская травка* ‘пиретрум’). Следует отметить и такую особенность единиц подгруппы: не все контексты указывают на лечебное воздействие растения именно на тот орган, который соотносится с адективным компонентом (*Грыжнай травой горла прапалоциши и всё прайдёт* (Орловский р-н); *Если горла балить, вот, или сытки нада матачную траву заварить, памагаить* (Мценский р-н)).

Довольно большую группу (более 40 единиц) составляют ФЕ, мотивирующим признаком при фразеологизации которых является «предназначенный для животных». Непременной структурной особенностью этих ФЕ является отзоонимный адектив. Интересно, что некоторые из них имеют один и тот же субстантивный компонент. При этом по степени семантической слитности лишь некоторые представляют собой собственно фразеологизмы: *гусиное мыло* ‘очиток едкий’ (*Бывала, лазили на рещки, ноги сытками пакроютца и аттираиши их гусиным мылам, аш гарять усе* (Должанский р-н)) и *собачье мыло* ‘грыжник’ (*Сабачьим мылам харашо руки мыть* (Кромской р-н)).

Ряд устойчивых сочетаний содержит отзоонимный адектив и субстантив *травя/травка*: *голубиная трава* ‘вербена лекарственная’ (*Эта священная трава, калдуны ис ней венки сибе пили, а ежыли винка нет на тибе, то ты и духавни можьши вызвать* (Должанский р-н)); *жабная/жабья трава* и *лягушачья трава* ‘сушеница топяная’ (*Жабью траву смиять с мёдам и са свежым каровым мылам, эта можна прикладыват на ожоги* (Кромской р-н); *Сичас пайду лягушачию*

траву сабирать, самое время (Мценский р-н)), индюшья трава 'тысячелистник' (Схади, набяри индюшьяй травки на лугу (Должанский р-н)), кошачья трава 'валериана' (Настойку кашачый травы пьют ат сердца, дюжы запах этой травы любят кошки, всё время биригу ат них (Мценский р-н)), конная трава 'конский щавель' (Гаварять, што конную траву пьют ат паносу (Верховский р-н)), кошачья трава 'пырей' (Сама трудна на гароди кошачью травку рвать, усё запаланила (Новосильский р-н)), ласточкина трава 'чистотел' (Ластачкина трава для балячик нужна (Покровский р-н)), поросья трава 'горец птичий' (Да ты свиные и парасячий травки паруби, мяса нижнеи будит (Болховский р-н)).

Частный мотивационный признак «пища» для животных отражен во фразеологизмах *воробьева каша* 'сумочник' (Цвितеть варобьева каша с апреля да осени у дароги, на лугах и палях (Хотынецкий р-н)), *лошадиная кашка* 'конский щавель' (Кашка лашадиная — эта конский щавиль (Малоархангельский р-н)), *заячья капуста/капустка* 'очиток пурпуровый' (Листья у заячий капусте сочные, мясистые, их можно даже есть. Иной раз, бывала, есть нечева, так нарвем заячий капусте, а мать щей наварить и ели бывала (Кромской р-н)), *медвежий лук* 'черемша' (Чиримицу мидежьим лукам абзывають. У ней запах больна резкай, у нос бьёт (Мценский р-н)), *птичья гречиха/гречишка* 'горец птичий' (Да птичья гречиша увезде растеть (Верховский р-н)).

Самую большую группу — около 60 ФЕ — составляют единицы, в основе номинации которых лежит внешний вид растения. В ряде случаев информанты прямо указывают на это. Приведем в качестве примеров контексты: *Зубной корень раньшы в кадушки с агурцами или памидорами ложили в засолку. А зубным корнем иво завут, патаму што у ниво корень напаминат зуп* (зубной корень — 'бедронец камнеломка'); *Дикие памидоры в агароди возли загаротки растут, платы на ём как памидоры на сваём кусте висят* (дикие помидоры — 'паслен черный'); *Ландыш ищё заичьи ушки люди завут, наверна, из-за иво листочкав* (заячьи ушки — 'ландыш'); *Милянская такая, цвитошки на звёздачки нахожы, щас иё мала, пацти нету* (звёздочка лесная — 'седмичник

европейский'); *Такие галовки как хвост у абодранай кошки и называюца кашачьми хвастами* (кошачий хвост — 'щерица обыкновенная'); *Как вытяниши красной коринь, так и видна, пачиму так называют* (красный корень — 'мыльнянка лекарственная'); *Трава эта антиресная: с одной стараны ана тёплая — мать, а с другой павирнёш — халодная, значит — мачиха, вот и мачихина лицо* (мачехино лицо — 'мать-и-мачеха').

В нескольких единицах мотивация базируется на цветовом восприятии растения: *белый цвет* 'тысячелистник' (Луччи нету ат паносу как белый твет, никаких врачей ни нада (Дмитровский р-н)), *красный корень* 'щерица запрокинутая' (Красный коринь парублю и утятам брошу, клюють харашо (Хотынецкий р-н)), *бордовая палочка* 'гречиха' (Нончи бардовая палачка удалась на славу (Орловский р-н)). В последней единице в основе фразеологизации также и ядерная сема субстантивного компонента: известно, что ярко выраженный бордовый цвет имеют стебли, достаточно твердые, «палочки», на которых созревают зерна гречихи.

Ряд ФЕ содержит адекватив *дикий* и субстантив — наименование окультуренного растения, по которому проводится сопоставление. При этом сравниваются надземная часть растения в целом (*дикая редька* 'сурепка', *дикая морковь* 'анис'), соцветия (*дикая рябина/рябинка* 'пижма'), цветы (*дикая роза* 'шиповник', *дикий подсолнух/подсолнечник* 'девясил высокий'), плоды по способу формирования и форме (*дикие помидоры* 'паслен') или запаху и вкусу (*дикий перец* 'копытень').

У двух единиц в основе фразеологизации лежит антропоморфная метафора: *ванькины кудри* 'мыльнянка' (А этат цвитощик ванькины кудри мы завём (Хотынецкий р-н)), *дамская ножка* 'дымянка аптечная' (Дамская ножка — очень красивая растения (Верховский р-н)). Значительно чаще встречается зооморфная мотивация: *заячьи ушки* 'ландыш' (Ландыш ищё заичьи ушки люди завут, наверна, из-за иво листочкав (Ливенский р-н)), *козьи рожки* 'череда' (В агароди возли забора растёт, при часотки иё атваривають и моютца ею (Мценский р-н)), *медвежье ухо/ухо* 'толокнянка' (Мидвежье ушка — харошае срецтва ад

балезни (Хотынецкий р-н), *раковые шейки* ‘горец змеиный’ (*Гаварять, коль растут ракавыи шейки, то почва салёная* (Глазуновский р-н)), *лисий хвост* ‘рогоз широколиственный’ (*На болотах растёт лисий хвост, а рибяты иво, када сазреить, срывають и жегуть* (Урицкий р-н)), *кошачий хвост* ‘щирица обыкновенная’ (*Такие галовки как хвост у абодранай кошки и называюца кашачьми хвастами* (Знаменский р-н)), *кошачьи лапки/лапочки* ‘бессмертник’ (*А то есть жолая такая трава — кашачьи лапачки* (Мценский р-н)), *гусиные лапки* ‘лапчатка’ (*Гусиные лапки в этом годи...* (Верховский р-н)), ‘росянка’ (*Гусиная лапка пахожа на лапку гуся* (Урицкий р-н)) и ‘ветреница лесная’ (*Эта травка гусиные лапки называитца, у ней листочки на лапки пахожы* (Мценский р-н)).

Последний пример еще раз иллюстрирует тот факт, что одна и та же фразеологическая единица в разных районах области может использоваться для именованя различных растений. Подобное явление можно наблюдать и для ФЕ *божьи слёзки*. В Дмитровском, Кромском, Знаменском районах так называют гвоздику полевую (*А эта божьи слёски — твяточки как звёздачки сияють*), в Покровском и Свердловском районах — трясунку (*Палажыла божьих слёзак в патсвитой угал*). Для последнего растения во Мценском районе употребляется ФЕ *кукушкины слёзки* (*А кукушкины слёски вон тама у двири у тини сохнут*). Образ базируется на переносе по сходству, связанном с субстантивными компонентом (похожий на слезу), адъективный компонент усиливает метафорический перенос и вносит позитивную оценку в семантику единиц. Сравним с построенными по тем же моделям единицами: *чертова головка* ‘гравилат речной’ (*Чёртава галофка с нечистью связана* (Верховский р-н)), *чертово ребро* ‘валериана’ (*А ишио валериану называють чортавым рибром* (Болховский р-н)) и *чертовы палки* ‘рогоз широколистный’ (*Ды пачиму-пачиму, чёртавы палки настаяшишы* (Шаблыкинский р-н)), где негативный семантический компонент содержится в адъективе.

Из других особенностей исследуемых единиц можно отметить следующие.

Компонентами фразеологических единиц в абсолютном большинстве

случаев выступают лексемы общенационального языка. Из диалектных лексем зафиксированы адъективы *болелая* [СРНГ 3, 73], *выхрево* [Там же 4, 306], *волчинный* [СОГ 2, 80], *воробьёва* [СРНГ 5, 104], *жабная* [СОГ 3, 105], *заживная* [СРНГ 10, 84], *кобылиный* [СОГ 5, 48], *козиное* [Там же, 54], *кошачья* [СРНГ 15, 139], *мольная* (КСОГ), *чирьевая* (КСОГ) и субстантивы *гречишка* [СОГ 3, 26], *кочетки* [Там же 5, 101], *полын* [Там же 10, 125], *черёма* (КСОГ).

Таким образом, жители Орловщины весьма активно и охотно используют в качестве фитонимов фразеологические единицы. Номенклатура растений разнообразна, в большинстве своем это используемые в лечебных целях травы и те, что опасны для человека или животного. Важную роль при номинации играют свойства растения, его внешний вид, место произрастания. Значительное число единиц сохраняет яркую образность, являясь отражением в народных говорах мировосприятия диалектоносителей.

Мы провели анализ по нескольким направлениям, основным из которых можно назвать исследование мотивационной базы при фразеологизации. Разумеется, детальное исследование семантики фразеологических единиц предполагает привлечение и других факторов, определяющих природу фразеологического значения и механизм его формирования. За рамками настоящей статьи осталось несколько проблем, таких как соотношение внутренней формы, этимологического значения и образной основы, анализ типов зависимости между элементами семантической структуры ФЕ и компонентами их формы и некоторые другие. Все это станет предметом последующих исследований.

Литература

БАС — Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л., 1948—1965.

Москва православная 2007 — Москва православная. Великий пост. Святая Пасха. М., 2007.

СОГ — Словарь орловских говоров / под ред. Т. В. Бахваловой. Вып. 1—4. Ярославль, 1989—1991. Вып. 5—15. Орел, 1992—2008.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. М.; Л.; СПб., 1965—.